

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

1

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне?

Это тот, кого мне надо,
Ну, конечно, это он—
Письмоносец Ленинграда,
Ленинградский почтальон.

С ним я встретился по-братски.
И узнал я с первых слов,
Что земляк мой ленинградский
В общем весел и здоров.

Уцелел со всем семейством.
Горе нынче позади.
И медаль с Адмиралтейством
На его блестит груди.

Он — защитник Ленинграда,
И не раз на мостовой
Он слыхал полёт снаряда
У себя над головой.

Но походкою спокойной,
Как и двадцать лет назад,
Он обходит город стройный,
Город славы Ленинград.

2

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В старой форменной фуражке?
Это — он,
Это — он,
Ленинградский почтальон!

Скоро год пойдёт двадцатый,
Как со мною он знаком.
Он будил меня когда-то
Каждый день своим звонком.

Сколько раз в подъездах зданий
И под сводами ворот
Мне встречался этот ранний,
Одинокий пешеход.

Дождь стучал по крышам гулко,
Снег ли падал в тишине,—
Он шагал по переулку
С толстой сумкой на ремне.

Обходил походкой мерной
Он домов до двадцати.
Красный за́мок инженерный
Был конец его пути.

3

Жил со мной тогда приятель
И герой моих стихов —
Замечательный писатель
И чудак Борис Житков.

Черноморец, штурман старый,
Он объехал целый свет,
И кругом земного шара
Шло письмо за ним вослед.

Шло письмо по разным странам,
По воде и по земле
И над синим океаном
На воздушном корабле.

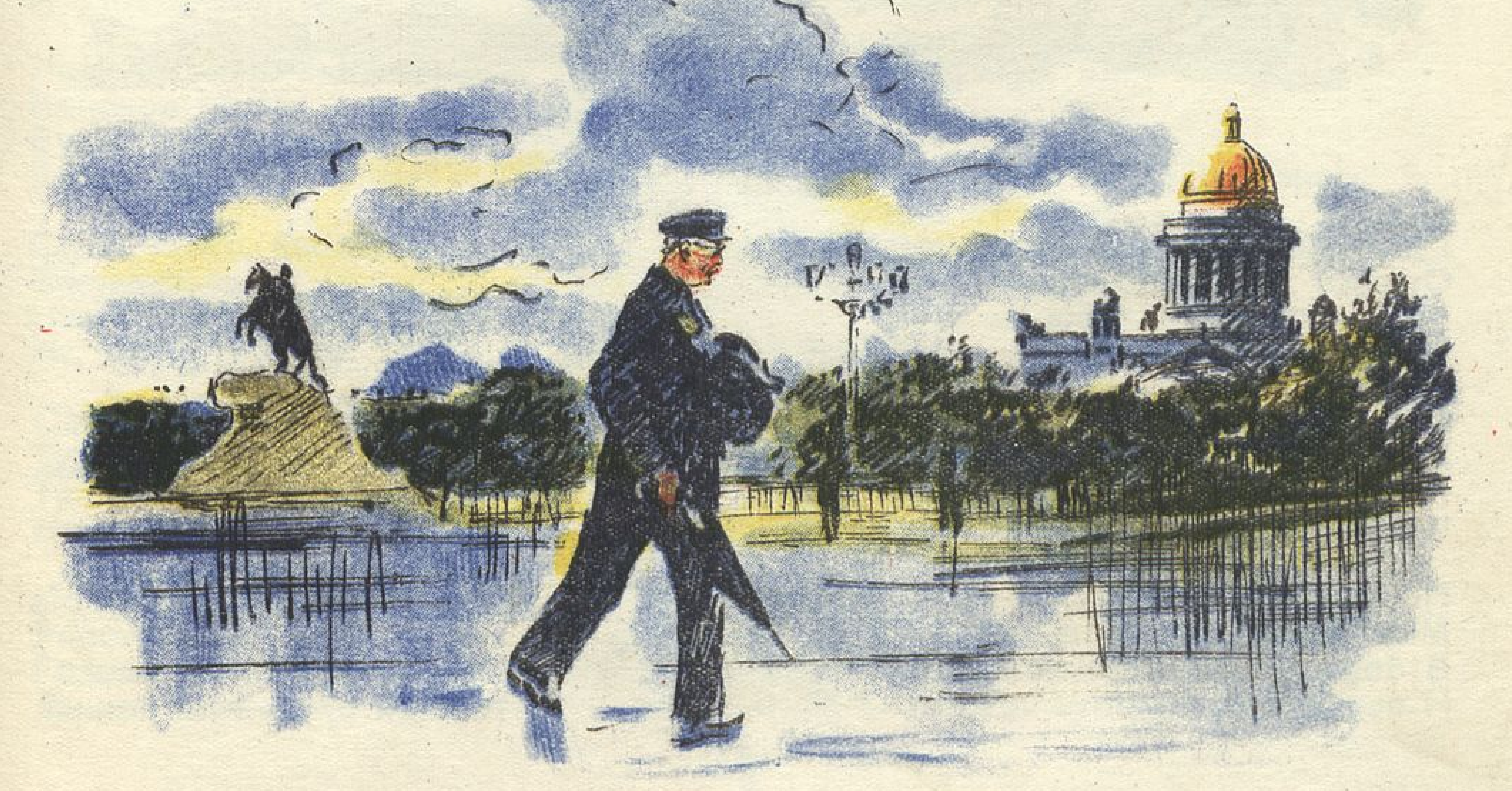
Облетело пояс жаркий,
Посмотрело, как живёт
Не в Московском зоопарке,
А на воле бегемот.

Посмотрело, как фламинго
Чистит перья поутру,
Как бежит собака Динго
За хвостатым кенгуру.

Всё в наклейках и помарках
В Ленинград пришло письмо,
И на всех почтовых марках
Было разное клеймо.

Это Дублин, город Эйре,
Это — остров Тринидад,
Дарвин,
Рио-де-Жанейро,
Сан-Франциско,
Ленинград.

Кто вручил письмо Житкову?
Ну, конечно, это он —
Воин армии почтовой,
Ленинградский почтальон!

4

Дети Тулы и Ростова,
Барнаула и Черкасс
Про товарища Житкова
Прочитали мой рассказ.

Но Житкова нет на свете,
А читатели мои —
Этих лет минувших дети —
На фронтах ведут бои.

К ним идёт письмо без марки
Сквозь огонь и град свинца,
И дороже, чем подарки,
Строчки писем для бойца.

Эти письма — словно стая
Белых, синих, серых птиц
Со всего родного края,
Из посёлков и станиц.

Пишут матери и жёны,
Пишут дети в первый раз!
Шлют приветы и поклоны
Все, кто дороги для нас.

Почтальоны возят вести
По дорогам фронтовым,
И лежат в их сумках вместе
Письма к павшим и живым.

С каждой новою победой
Наших армий на войне
Письма дальше, дальше едут
По очищенной стране.

И случиться может снова,
Что придёт письмо в Берлин
Для товарища Житкова —
Не для прежнего — другого
(У него на фронте сын).

5

Где вчера кипела схватка,
Стлался дым пороховой,
Там раскинута палатка
Нашей почты полевой.

Снова слышен русский говор,
И гармоника поёт,
И бойцам советским повар
Щи и кашу раздаёт.

По дорогам Украины,
Меж садов, баштанов, хат,
В бой идут бронемашины
И повозки тарахтят.

По следам кровавым боя
Едут письма, и порой
Отдаёт письмо герою
Письмоносец — сам герой.

По лесам и горным склонам,
По землянкам потаённым
Ходит почта на войне.
Слава честным почтальонам,
Полковым и батальонным!

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

6

Через поле до траншеи —
Сотни три шагов,
Да намного путь длиннее
Под огнём врагов.

Над тобою тонко-тонко
Пули засвистят.
На пути твоём воронку
Выроет снаряд.

Под огнём идёшь — не мешкай:
Гибнуть — не расчет.
Где ползком, где перебежкой
Движешься вперёд.

Под тобой — земля родная,
Зеленеет рожь,
А идёшь по ней, не зная,
Много ли пройдёшь.

Близко падают снаряды.
Столб земли, огня...
Рвут поводья у ограды
Два гнедых коня.

Почтальон коней рукою
Гладит по спине.
«Вам, мол, тоже нет покою,
Кони, на войне!»

И пошёл. Вдруг туча пыли
Замутила свет.
Там, где кони прежде были,
И следа их нет.

Не остыло на ладони
Конское тепло...
Будто вас, гнедые кони,
Бурей унесло.

Глухо, гулко, басовито
Загудела высь:
Низко мчатся «Мессершмитты»...
Ну, опять ложись!

Слышен гром — правей, левее.
Тут уж не зевай.
Так идёт письмо в траншею —
На передний край.

Но гляди — злодей крылатый,
Рассыпавший гром,
Грудой валится, объятый
Дымом и огнём.

Остальные скрылись, что ли?
Смолк железный гул.
Словно плуг, всю землю в поле
Взрыв перевернул.

Через поле до траншеи —
Сотни три шагов,
А насколько путь длиннее
Под огнём врагов!

Вот в траншею адресата
Входит почтальон.
Свой ремень молодцевато
Поправляет он.

Все кричат ему: «Здорово!»
Рады от души.
— Нет ли здесь у вас Петрова?
— Ну, Петров, пляши!

* * *

По лесам и горным склонам,
По тропинкам потаённым
Ходит почта на войне.
Слава честным почтальонам,
В жарких битвах закалённым.

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

Конст. **ФЕДИН**

Вася

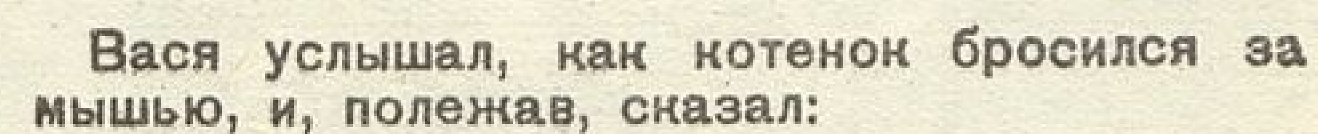

Рис. **А. ЕРМОЛАЕВА**

Это было, когда немец наступал на Москву.

Вася запомнил сумерки, такие синие-синие, с одним розовым стеклом. Это то стекло, которое почему-то не замерзает в избе, а другие были покрыты ёлочками, звёздами, папоротниками и синели с каждой минутой больше и больше. Он возился с котёнком, все хотел положить его на спину, а котёнок норовил перевернуться — смешной, однобокий; на одном боку рыжая шерсть его склеилась от смолы: он лазил в подпол и вымазался в смоле, еще когда было тепло.

В это время пришла мать — и прямо к сундучку.

— Ты оставайся с Васюткой, — сказала она бабушке, — а я уйду.

Бабушка начала плакать, а мать молча вынула из сундучка белье да красное платье, взяла целый каравай хлеба, затянула всё в узел и пошла к двери. С порога вдруг обернулась, прижала Васю к себе так, что ссадила ему кожу на носу об новую овчину полушубка, и он вскрикнул:

— Больно, мам!

— Васютка, Васютка... — сказала она и опять пошла из избы.

— Ты бы взяла его с собой! — всхлипнула бабушка.

— Куда его, он замёрзнет! — ответила мать и захлопнула за собой дверь.

Бабушка велела Васе лезть на печку и, пока темнело, прибирала в сундучке, а потом тоже забралась на печку.

— Не спишь? — спросила она.

Вася не спал. И она сказала:

— Когда они придут, ты только, знай, помалкивай.

— Кто придёт? — спросил Вася.

— Немцы. Будут тебя спрашивать, а ты вот так вот разводи ручками: стало быть, что ты ничего не знаешь.

— Про что будут спрашивать?

— Всё равно про что. Ты только разводи ручками: вот так вот. А спросят, сколько тебе лет, скажи — восемь.

— Мне десять.

— А ты скажи — восемь. Всё лучше — немного помене.

— А про себя ты сколько скажешь?

— Сколько мне-то? Про меня, чай, лучше сказать поболе...

Вася услышал, как котенок бросился за мышью, и, полежав, сказал:

— Упустил.

— Пымает, — отозвалась бабушка. — Ты спи.

Тогда, уже в полной темноте, Вася шепнул бабушке:

— Я знаю, куда мамка ушла: воевать с немцами.

— Ну и помалкивай, — рассердилась бабушка. — Я что тебе сказала!

И Вася тоже рассердился на бабушку, поворочался и уснул.

А на рассвете он услышал мужские голоса, которые тарабарили непонятно и смеялись. Вася высунул голову из-за печки и увидел трёх немцев. Они разделись, составили ружья в угол, выложили на стол всякую всячину из сумок, а один из них, черноволосый и черноглазый, с густыми усами, намыливал щёки белой пеной, обмакивая мазилку в Васину чашку с голубым ободочком.

Бабушка уже затопила печь. Один солдат ушёл и долго не возвращался, а вернувшись, принёс рябенькую курицу с перерезанным горлом, поднял её над своей головой, и оба других солдата опять затарабарили и засмеялись. Черноусый посадил бабушку на лавку, велел щипать курицу. Вася сразу признал молодку — такие рябенькие, вроде цыцарок, выводились у соседей.

Пока бабушка её щипала, немцы вынули из ящика трубу, похожую на козьи рога, только потолще и с тупыми концами, приладили ее на подпорку против того стекла, которое не замерзало, и стали поочередно глядеть в стеклышки под трубой.

Чёрный, отойдя от трубы, подошёл к печке и увидел Васю.

— Н-на-на! — воскликнул он, прищёлкнув языком.

Взяв Васю за руку, он стянул его на пол, присел на лавку, поставил Васю между своих раздвинутых колен и начал что-то выспрашивать. Вася ничего не мог понять и только смотрел на его черные усы, шевелившиеся, как веники, которые развязывают, а немец, прижав его локти к туловищу, всё что-то

талдычил непонятно. Наконец Вася разобрал слова:

— Папа, мама...

Он понял, о чем хочет знать немец, выпростал свои локти, развел руками, как его учила бабушка, и покосился на неё. Но она словно и не замечала Васю.

Немец легонько толкнул Васю, подвёл его к трубе и велел смотреть в стёклышки. Вася ровно ничего не увидел и опять развёл руками. Тут черноусый намусолил себе большой палец и провел пальцем по Васиному затылку против волос так больно, что Вася насилу удержался, чтобы не заплакать, и скорее опять полез на печь.

Солдаты велели бабушке спуститься в подпол и что-то приказывали ей, а она, выглядывая из подпола, мотала головой и твердила:

— А коли нет ничего, откуда я вам возьму?

Её вытянули из подпола. Один немец спрыгнул туда, пошарил, достал корчагу, в которой засыпаны были золой яйца. Черноусый взял палку, стукнул бабушку по голове и закричал. Бабушка прикрылась платком.

«Вот была бы мама, — подумал Вася про черноусого, — она бы тебе...»

Солдаты стали вынимать из золы яйца. Черноусый засучил рукава, взял сковородку и принялся бить яйца. Вася насчитал ровно дюжину.

Так началась жизнь с немцами. В дверях, у косяка, стояла еловая палка с аккуратно отточенными сучками и с гладкой тяжёлой шишкой вместо ручки. Палку эту скоро узнала вся деревня: черноусый брал её с собой, и, если кто ему перечил, он пускал её в ход.

Вася узнал, что рога со стеклышками называются стереотрубой, и научился немного понимать солдат.

— Васья, — звали они, — ком шау!

Это означало — поди погляди.

Вася подходил к трубе.

Когда первый раз он увидел в стёклышках заснеженный луг и в конце луга реденький березнячок с ёлочками вперемежку и когда этот хорошо известный Васе березнячок подскочил к самым глазам Васи близко-близко, он задрожал от радости и вспомнил маму, как она уходила в овчинном полушубке и с узелком: ему почудилось, что мама непременно откуда-то смотрит из березнячка и, может быть, уже рассмотрела, как Вася глядит на неё через стёклышки. Немцы допытывались от него, видит он или нет, и смеялись над ним, а он разводил руками, как учила бабушка.

Один раз днём черноусый пришёл злой, со всего размаху хлопнул дверью и раздавил котёнка. Другой солдат поднял котёнка за хвост, помахал им над своей головой, как тогда рябенькой курицей, и бросил его на Васю. Котёнку размозжило голову. Мёртвый, он был всё такой же однобокий, только бок его был теперь намазан не смолой, а кровью.

У Васи выступили слёзы. Он понёс котёнка на улицу хоронить и, закапывая его в сугроб за сараем, ясно-ясно вспомнил, как играл с ним в тот вечер, когда ушла мама.

В это время немцы вынесли из избы стереотрубу, установили её на треножник за воротами и начали по очереди прикладываться к ней. Сначала они спорили, потом угомонились и попрыгивали с ноги на ногу, потому что мороз кусал очень сильно.

Черноусый посмеялся над Васей, передразнил, как он плакал о котёнке, потянул его за нос и сказал:

— Нитшего, Васья. Ком шау!

Вася приложился к стёклышкам, опять увидел заснеженную равнину луга и за ней березнячок.

И вдруг у самого березнячка, в конце равнины, он заметил что-то странное. То здесь, то там пузырился снег: вскочит беленький пузырёк над снегом, подержится, подержится и опять упадёт. Потом целый рядочек пузырьков вскочит, появится и упадёт.

И Вася чуть не вскрикнул, когда понял, что это лыжники в белых халатах двигаются цепью и то вскочат и побегут, то лягут в снег.

Немцы прыгали около Васи, грелись и пошучивали, а он, прижавшись к стёклам, смотрел, как далеко-далеко пузырится снег, и думал, как бы сделать, чтобы немцы не заметили, что такое там происходит у березнячка: наверно, там его мама.

Он потихоньку нажал валенком на одну ножку стереотрубы, увидел, что снег в стёклышках больше не пузырится, лежит ровно и оторвался от трубы.

— Нитшего, Васья? — спросил черноусый смеясь.

— Ничего, — ответил Вася и тоже засмеялся.

Немцы ещё раз поглядели в трубу, ничего не увидели и, совсем заморозившись, пошли в избу.

Улучив минуту, Вася сказал бабушке, что он знает, что скоро придёт мама.

— Я вот тебе! — припугнула бабушка. — Знаешь, так помалкивай!

И вот не успело стемнеть, как на реке внезапно затрещало, завыло, и немцы, все трое, схватив винтовки, неодетые, пояса через плечо, патронташи по карманам, вывалились на улицу. Треск и вой не надолго прекратился, с реки прилетели разрозненные голоса:

— Ура-а!..

Немцы огрызнулись на этот крик из своих винтовок. Тогда на реке опять завыло и затрещало, и вой прошёл несколько раз медленно по всей улице долгими вздохами и скрылся за деревней.

Рано поутру в избу явились два красноармейца в белых халатах.

Торопясь, сам себя перебивая, Вася рассказал им, что он ещё вчера знал, что они придут, что он видел их через трубу, и спросил:

— Верно ведь, что теперь придёт моя мама?

Про маму они ничего не могли сказать, а

за то, что он догадался трубу сдвинуть с места, так что немцы ничего не увидели, похвалили его и трубу тоже похвалили, которую немцы впопыхах не успели захватить. Черноусый и палку свою еловую тоже оставил. И красноармейцы сказали:

— Давай, Вася, разделим с тобой трофеи пополам: мы возьмем себе стереотрубу, а тебе — палку.

На том и решили. Вася с красноармейцами сразу подружился и всё, что знал про немцев, всё им передал.

Один раз красноармейцы приходят и говорят:

— Половина немцев, которых мы из деревни прогнали, далеко не уехала — сидят на речке, в ольшанике.

— Зачем сидят? — спросил Вася.

— Понравилось у нас, вот они и сидят, — засмеялся один красноармеец, а другой спросил:

— Хочешь взглянуть? Пойдём!

Вася решил итти. Отпросился у бабушки за деревню, взял свой трофей — еловую палку — и пошёл с красноармейцами на речку.

Прошли они недолго, с полчаса, знакомыми Васе местами. На повороте реки, где было много наезжено лыжами, красноармеец, с которым шёл Вася, сказал:

— Это место мы их обошли, а вон там, пониже, в ольхе, они, видишь, сколько натоптали: думали окопаться.

Спустились в ольшаник и пошли по реке. Тут много было насорено ветками, весь снег был чёрный, кругом лежали поваленные деревья. Вася шёл и постукивал палкой по деревьям, и стук подолгу держался в воздухе: сухая палка была звонкой.

— Видишь? — спросил красноармеец остановившись.

Вася сначала не понял, о чём его спрашивают. Тогда красноармеец приподнял его руку с палкой и показал на большую ольху, нависшую над рекой с берега. Вася посмотрел и обмер. Под корнем ольхи, повалившись друг на друга, спиной к спине, сидели два немца. Того, который сидел лицом к нему, Вася сразу узнал. Это был черноусый. Позёмкой запорошило ему усы и одну щеку, волосы на голове его ершились, и он был почти такой, каким его Вася увидел первый раз в избе, когда он намылил щёки и брился, а потом ударил бабушку палкой. Он сидел скорчившись, засунув пальцы в рукава куртки, и глаза его были наполовину открыты и мутно глядели на Васю.

— Это который у нас всех колотил палкой, — сказал Вася, оправившись от испуга.

— Отколотился, будет! — усмехнулся красноармеец.

Вася подошёл к черноусому и стукнул его палкой по голове, и палка зазвенела в морозном воздухе, точно от удара по дереву.

— Ледяной, — сказал красноармеец.

— Нитшего, — проговорил, как немец, Вася и бросил прочь палку.

Она воткнулась в снег торчком, шишкой наверх. Вася долез до неё по снегу и хотел ее сломать о колено, но она не поддавалась. Вася вдруг со злобой сунул палку под ноги, втоптал ее хорошенько и, стоя на одном её конце, изо всей силы потянул за другой вверх и переломил. Потом он далеко швырнул обломки, они зарылись в сугроб без следа, а Вася, не оглядываясь, пошёл назад в деревню.

У околицы ему встретилась толпа мальчишек.

— Васютка, — закричали они, — катись домой, мать вернулась с партизанами! А мы — на реку — смотреть мороженых немцев...

Вася надвинул шапку и опрометью бросился вдоль деревни к своей избе.

ПАЛЬЧИК-МАЛЬЧИК

— Пальчик-мальчик!
Где ты был?

— С этим братцем
В лес ходил,

С этим братцем
Щи варил,

С этим братцем
Кашу ел,

С этим братцем
Песни пел.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

В. ОСЕЕВА — *Рис. М. БУТРОВОЙ*

Маленький старичок с длинной бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил на песке какие-то фигуры.

— Подвиньтесь,—сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, мельком взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось.

— Ну и ладно! А вам-то что?—покосился на него Павлик:

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы!—надулся мальчик.—Я скоро совсем убегу из дома.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не дала. А у самой сколько!..

— Не дала? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки!—сказал старик.—Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет!—крикнул Павлик.—Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком о скамейку и вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду.

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни—тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,—усмехнулся Павлик.—Я сейчас же попробую!

Он вскочил и побежал домой.

Дома он увидел сестру, которая сидела за столом и рисовала. Краски, зелёные, синие, красные, лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик,—с досадой подумал мальчик.—Разве на такую подействует волшебное слово?..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

И сразу лицо у Лены изменилось—волшебное слово ошеломило её. Она широко раскрыла глаза и пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне зелёную,—нерешительно сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она не любит, чтоб ей мешали во время стряпни».

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и, не давая старушке опомниться, прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста...

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово мгновенно засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой!—приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щёки.

«Волшебник! Волшебник!» повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом, когда вся семья была в сборе, Павлик сидел притихший. А когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и, стараясь поймать суровый, нахмуренный взгляд, тихо сказал:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его,—вдруг сказала сестра.— Что тебе стоит?

— Ну, отчего же не взять,—улыбнулась бабушка.—Конечно, возьми.

— Пожалуйста,—повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

Павлик, не помня себя от радости, выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные фигуры и знаки.

Павлик оглянулся вокруг и громко сказал:

— Помогло! Спасибо!

И где бы ни был старый волшебник, он, конечно, услышал мальчика.

ХРАБРЫЙ СЫН

Л. КВИТКО *Рис. М. БУТРОВОЙ*

— Чей это мальчишка?
— Соседский бедокур.
— Ох, видать, он храбрый,
Раз боится кур!

Сын однажды говорит:
— Мама, кур бояться — стыд!
Если хочешь, эту рябую
Поглажу, — говорит. —
Только лапы ей свяжи
Да ко мне хвостом держи.
Я тогда её поглажу.
Не укусит? Нет? Скажи.

Ай да парень, ну и сын, —
Очень храбрый гражданин!

Перев. Ел. БЛАГИНИНА

№ 3 (7)

Редактор — Вит. Бианки

Издатель — «Мурзилка»

МЕСЯЦ ПРОЩАНИЯ С РОДИНОЙ

КАК ОНИ НАХОДЯТ ДОРОГУ?

Летом все жили по своим местам: птицы — у гнёзд, звери — у нор своих и логовищ. Теперь детёныши выросли.

Белки, как птицы, собираются в стада и кочуют далеко — бывает, за сотню километров, туда, где нынче урожай шишек, орехов. Рябчики, глухари расселяются по лесам. А перелётные птицы летают от нас за тысячи-тысячи километров — на свои тёплые зимовки.

Как они знают, куда им лететь?

В том-то и штука, что не знают и знать не могут: ведь они не соображают, как мы, люди.

Старики могли бы знать: не первый год летают. А молодёжь как находит путь? Ведь не шутка пролететь откуда-нибудь из-под Москвы или даже из тундры в далёкую Африку через леса, горы, степи, моря.

Раньше объясняли просто: старики им путь показывают, отцы, матери, деды. А теперь оказалось — нет, не старики. Птенцы тут у нас этим летом родятся, нигде далеко не бывают, географии в школе не обучаются и летят совсем одни, без старших, и не в одно время с ними. Летят в Африку. И попадают точно, без промаха, на те места, куда им попасть следует, — где зимовали их деды и прапрадеды.

Взять хоть кукушонка.

Папы и мамы он совсем и не знает: кукушка ведь подкидывает свои яйца в чужие гнёзда. Высидит, выкормит кукушонка какая-нибудь там малиновка. Долго его, обжору, выкармливает. Уж осень, а он всё сам себе еду находить не умеет. Уж старые кукушки давно улетели. Пора и малиновкам в

путь. Улетают и они. Кукушонок теперь сам кормится, а всё ещё никуда не летит.

Вот и лес облетел. Гусеницы все — кукушечья дичь — прячутся. Кормиться больше нечем.

И кукушонок трогается в путь.

В Африку.

Один.

Кукушки не собираются в стаи. Один летит кукушонок.

Не может он знать дороги: ведь он только два-три месяца как родился, ни мама, ни папа ему ничего не рассказы-

вали, да и никто рассказать не мог, куда ему лететь. А он летит и попадает как раз в те места Африки, куда все наши кукушки зимовать летают. И откуда когда-то — много сотен тысяч лет назад — весь их кукушечий род переселился к нам на гнездовье.

Как он находит туда путь, ещё ни один учёный не знает. И мы только ещё придумываем опыты, чтобы узнать, как птицы находят свою дорогу.

Расти скорей, читатель, и постарайся разгадать эту хитрую птичью загадку. А если тебе посчастливится поймать птицу с лёгким металлическим колечком на ноге, сообщи об этом нам. Уже десятки лет

учёные ловят и кольцуют птиц, чтобы узнать, куда летают наши птицы. На каждом колечке есть номер и буквы. Эти номера и буквы записаны у учёных.

ПИСЬМО ИЗ ЯКУТИИ

Мы с отцом ставили сеть на реке. Вдруг в тайге на берегу послышался какой-то далёкий шум. Он рос, усиливался, приближался.

— Что это? — спрашиваю я.

— Не знаю,— отвечает отец.

Мы бросили сети и спрятались в лодке под другим берегом в кустах. Отец взял в руки поколюку — копьё: он всегда берёт её с собой, когда мы идем в тайгу или на реку, на случай встречи с большими зверями.

И вдруг видим: на том берегу за деревьями движется целая роща сучковатых кустов. Бегут прямо к реке — на нас.

Я закрыл глаза от страха, а когда открыл их, кусты, громко фыркая и отдуваясь, плыли уже по реке.

— Живо! — крикнул отец — Греби в сторону.— А сам встал на нос лодки с копьём.

Я навалился на вёсла, гребу что есть сил. Боюсь оглянуться.

Отец кричит:

— Один есть!

Я поглядел через плечо, отец опять поднимает поколюку, мечет её под ближний плавучий куст.

Тут кто-то как даст по лодке. Отец взмахнул руками и полетел за борт.

Я быстро вытащил вёсла, кинул их на дно лодки и протянул руку отцу. Он уже вынырнул и схватился за борт.

А кругом нас по всей реке не кусты, а морды, морды с рогами. Фыркают, пар из ноздрей идёт.

Передние уже переплыли реку и поднимаются из воды.

Это — олени, северные олени. Целое огромное стадо.

Отец залез в лодку, вода с него ручьями, сам довольный.

— Греби,— говорит,— к берегу. Это, видишь, переселение оленей. Они на лето в тундру уходили: от оводов спасались,— там ведь нет оводов, ветер всегда,— а теперь назад в тайгу возвращаются. Вон сколько их! В тайге им зимой лучше: есть где от вьюги спрятаться. Там можно и мох изпод снега выбивать копытами. Повезло нам с тобой: я ведь двоих поколюкой ранил, им далеко не уйти.

А я говорю:

— Хорошо повезло! От сети-то ничего не осталось, всю в клочья изорвали, бешеные. Тебя чуть не утопили.

Ну, а потом ничего, отошёл, когда нашли убитых оленей. Мясо у них очень вкусное.

ТЕЛЕГРАММЫ

ИЗ-ПОД ЛЕНИНГРАДА

В мелкой быстрой речке мы ловили пескарей. Вдруг катится какой-то серо-бурый клубок, подскакивает на камнях. Из него хвосты торчат, узкие головы.

Мы закричали: думали, змеи какие водяные.

А это — угри, рыбы такие речные.

Клубок их прокатился вниз по течению. А речка наша впадает в Финский залив.

Там угри расплетутся, и каждый сам по себе поплывёт в Балтийское море. А из Балтийского моря в Атлантический океан.

В Атлантическом океане угри оставят своё потомство.

Через три года, когда угрята вырастут, они придут жить в наши реки.

С Тихого океана

Водяные звери — морские котики — стадами покидают свои летние лёжбища на берегах наших островов. Как у птиц осенью перелёт, так у котиков переплыв под водой на зимовки.

Плывут они в тёплое Японское море. Там и будут зимовать.

По дороге много их гибнет от страшных китов-хищников — касаток.

С ГОР

Горные козлы и бараны начали спускаться с вершин ниже и ниже. За ними крадётся барс, прячется за камнями, подстерегает их из засады.

Высоко в горах уже бушуют вьюги, заносят глубоким снегом пробившуюся летом на скалах травку.

Из Крыма

В лунные ночи мы замечали каких-то странных птичек. Поодиночке и стайками они пролетали над кипарисами. Они тянули все в одну сторону: с севера на юг. Видно было, что у них пролёт. Только летели они как-то удивительно, не по-птичьи: зигзагами и совсем бесшумно.

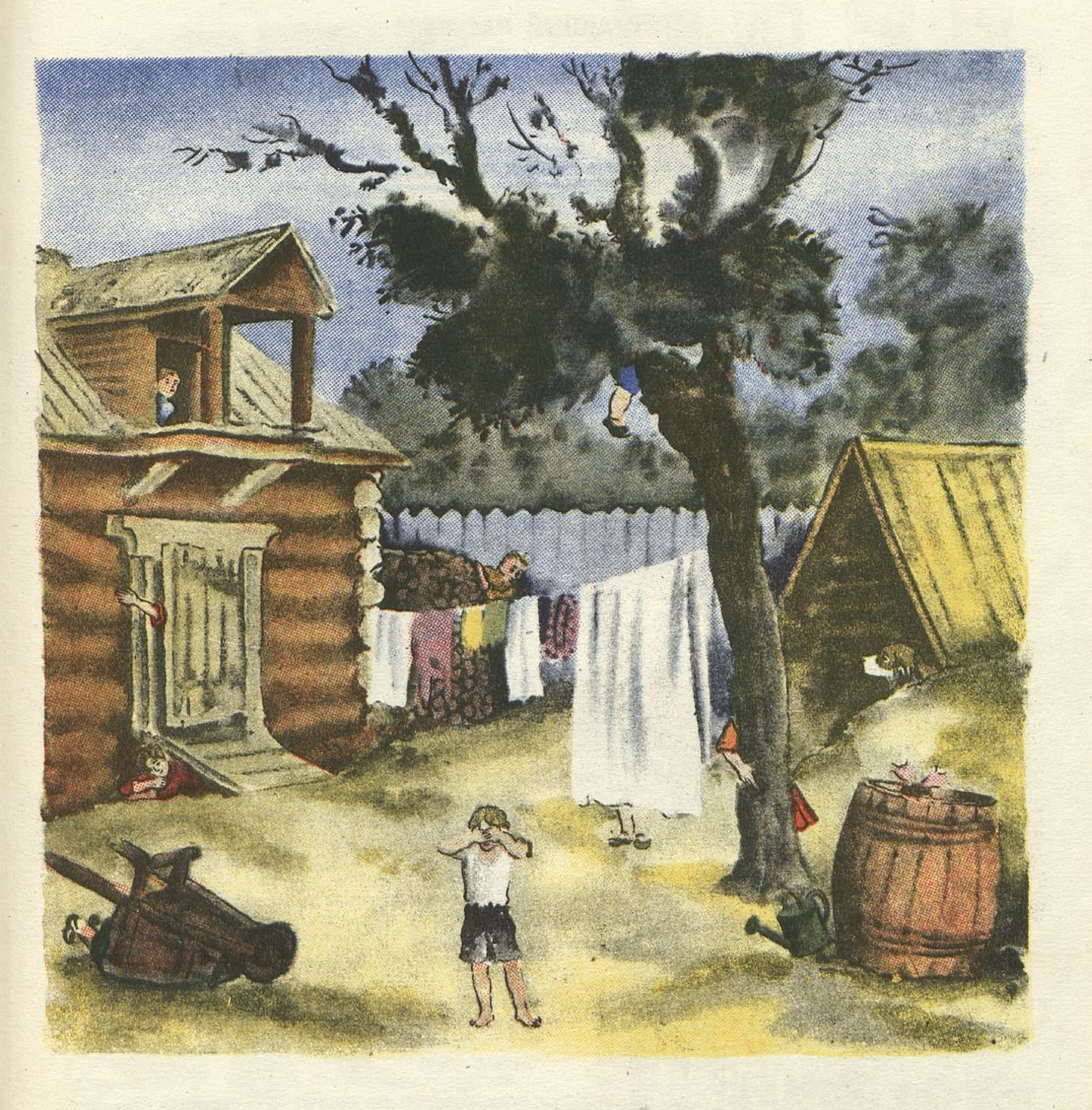
Мы выстрелили в стайку мелкой дробью. Одна птичка упала.

Оказалось, это совсем и не птички! Это летучие мыши. Они тоже летят осенью на юг, хотя они млекопитающиеся звери.

Рис. к «Лесной газете» рисовала М. Бутрова

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

ПРЯТКИ

Где мы все и сколько нас, —
Долго нам рассказывать.
Только очень просим вас
Женьке не подсказывать!

ПОЖАЛУЙТЕ К ДОСКЕ!

СТРАННЫЙ РАССКАЗ

Очень печально. Мы получили рассказ. Хотим его напечатать — и не можем. Потому не можем. что не знаем — хороший он или плохой. Тот, кто его писал, размазал некоторые слова. И притом — самые важные. Теперь в нём уже ничего не понять. Теперь уж никак не узнать — печатать его или нет. А такой славный рассказ. Коротенький до невозможности. Хотя вот что. Посмотрите-ка вы на него соколиным оком: может быть, вы что-нибудь и поймёте. Все бабушки говорят, что у молодёжи глаза острее! Тогда напишите нам. что он значит. Мы и решим — печатать его или нет.

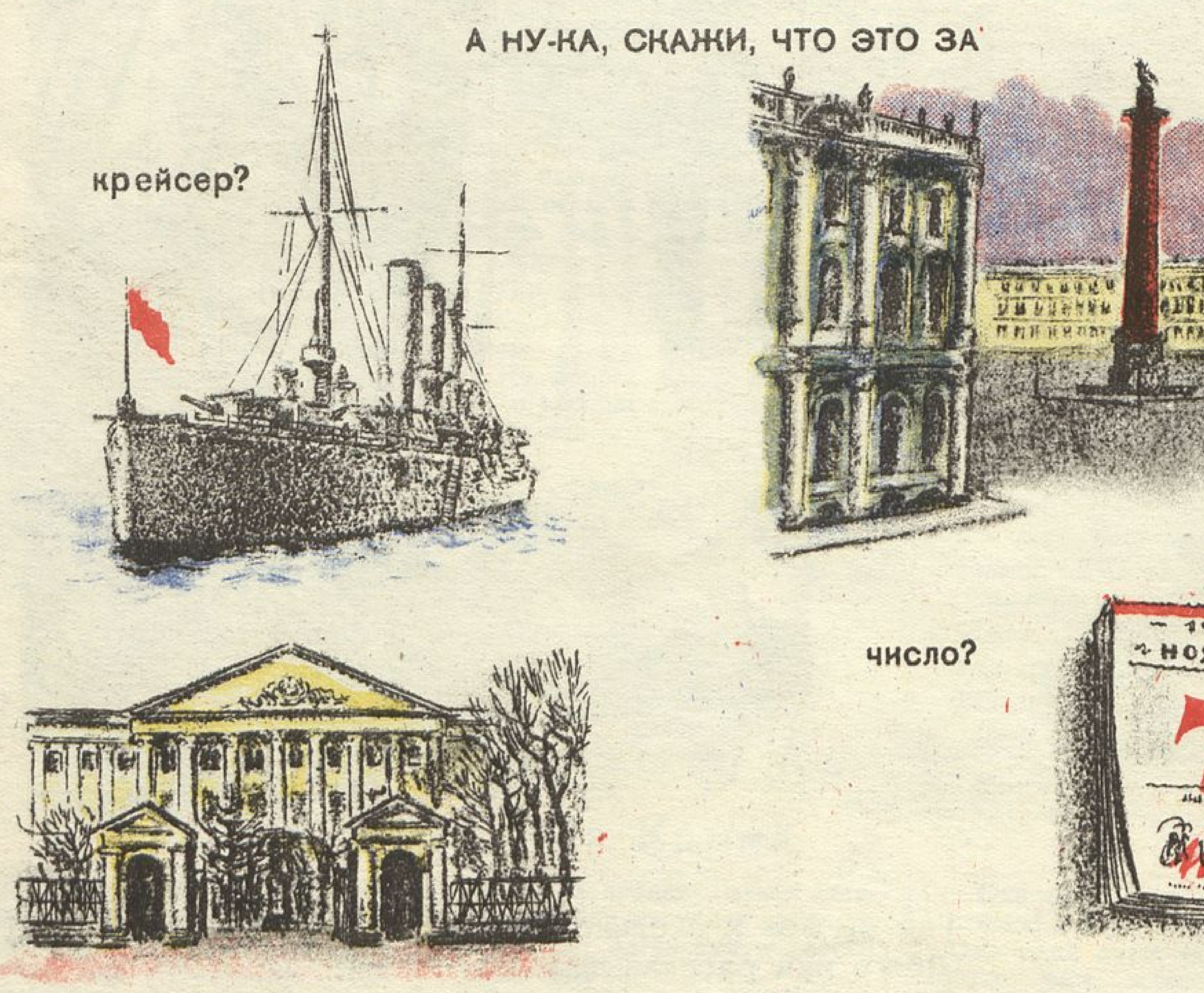
Вот этот рассказ. Где точки—там размазано.

СТОЛ...

Один раз я шёл по улице и увидел стол.... Я понял, что это стол... потому, что в окошко увидел много стол... Я был голоден, отворил дверь и вошёл. За дверью в первой комнате стоял старенький стол....с большой белой бородой и в очках. Он держал в руках стол..... инструмент и стругал им стол...... большого стола на четырёх ножках. «Товарищ стол.., скоро ли вы кончите чистить этот огромный стол...?» Стол.. посмотрел на меня через очки. «Эх вы! — ответил он укоризненно. — Разве это стол...? Это — не стол..., а стол..., я просто его сейчас вам отодвину».

И верно: стол.. отодвинул стол.. в сторону, и я спокойно вошел в стол..... Вот что значит вежливый стол... Приятно с таким и встретиться...

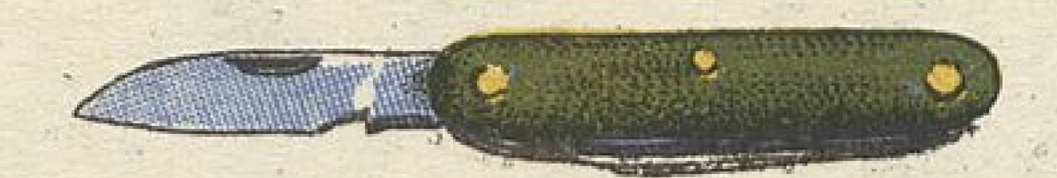
А НУ-КА, СКАЖИ, ЧТО ЭТО ЗА

Чем они знамениты? Почему мы решили нарисовать их в этом номере «Мурзилки»?

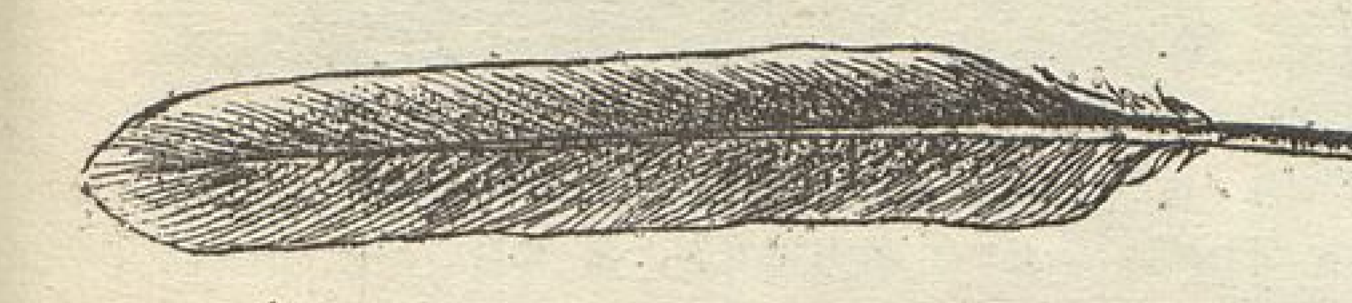
ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК

У тебя есть перочинный ножик? Если есть — вынь его из пенала и посмотри на него. Если нет — вот он, нарисован тут же рядом.

Смотри на этот ножик внимательно: это загадочная вещь. Его называют перочинным, а почему? Разве тебе когда-нибудь приходилось чинить перья? Какие? Писчие? Ну, писчее перо если уж сломалось, его не починишь. Птичьи? Это, может быть, какие-нибудь сказочные доктора Айболиты чинят птичьи перья, а ты наверняка их не чинил, и я тоже. Тем более — перочинным ножиком. Почему же он так называется?

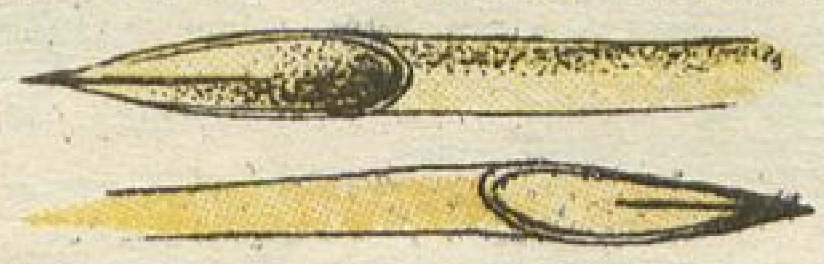
А ты видел когда-нибудь такое перо?

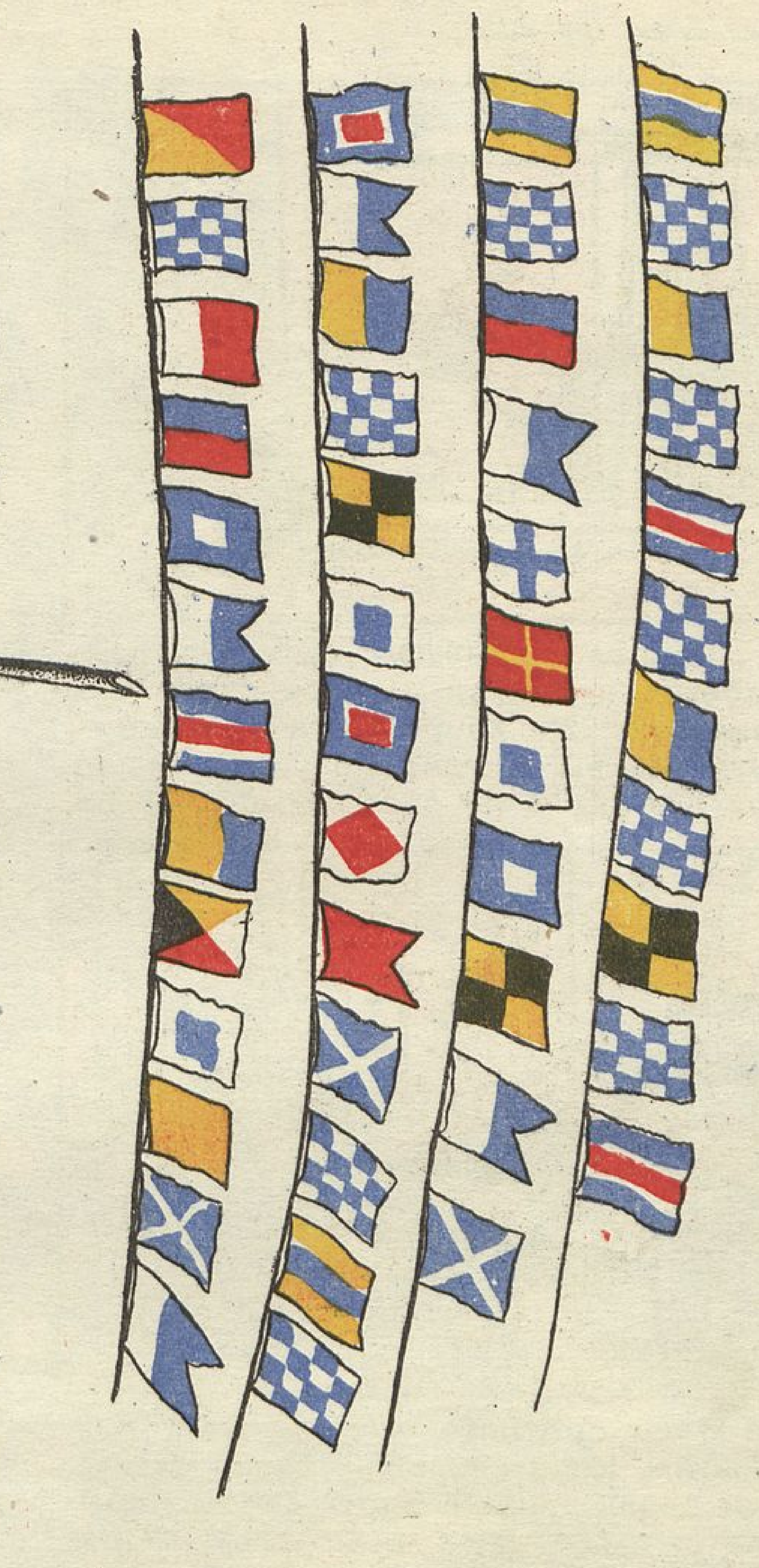
Ты знаешь, как называется вот эта его лохматая часть? Она называется «бородка», и это, мне кажется, кто угодно поймёт почему. Зато, как называется острая часть пера, сказать легко, а объяснить почему — будет уже потруднее. Она называется «очин». Очин? Какое странное название. Каждый умеет «очинять» карандаши, но очинять птичьи перья, конечно, вздумает только глупец... Ты думаешь — верно? А я думаю — нет!

Как тебе кажется: давно ли люди изобрели стальные писчие пёрышки? В том-то и дело, что совсем недавно — лет сто назад. Например, когда Пушкин писал «Сказку о царе Салтане», этих пёрышек вовсе и на свете не было. Чем же он её писал? Карандашом, что ли? Отнюдь! Пушкин писал не карандашом, а гусиным, птичьим пером. Тогда и все так писали.

Разве можно птичьим пером писать? Можно, и даже очень красиво. Но предварительно надо перо сварить в кипятке, а потом «очинить». «Очинить» — значит, косо срезать его нижний кончик и расщепить его пополам, как расщеплено стальное перо. Теперь понятно, почему это конец пера называют «очином». А может быть, и перочинный ножик перестал быть таинственным? Совершенно ясно. Такими маленькими удобными карманными складными ножичками люди сто лет назад «очиняли перья». Потому их и звали «перочинными». Теперь перья птичьи давно пропали, а слово «перочинный» осталось ещё. Так часто бывает со словами нашего языка.

ПРОЧТИ-КА ЭТУ ФРАЗУ

Старый моряк, штурман Головоломов прислал нам с Балтики такую картинку. Он уверяет, что на ней нарисованы какие-то фразы на морском языке. Не знаем, сможет ли кто из ребят прочитать эту фразу. Мы послали Головоломову телеграмму: «Умоляем срочном ответе!»

Старый моряк ответил так: «Отвечу следующем номере».

Кто прочитает фразу — отвечайте скорее.

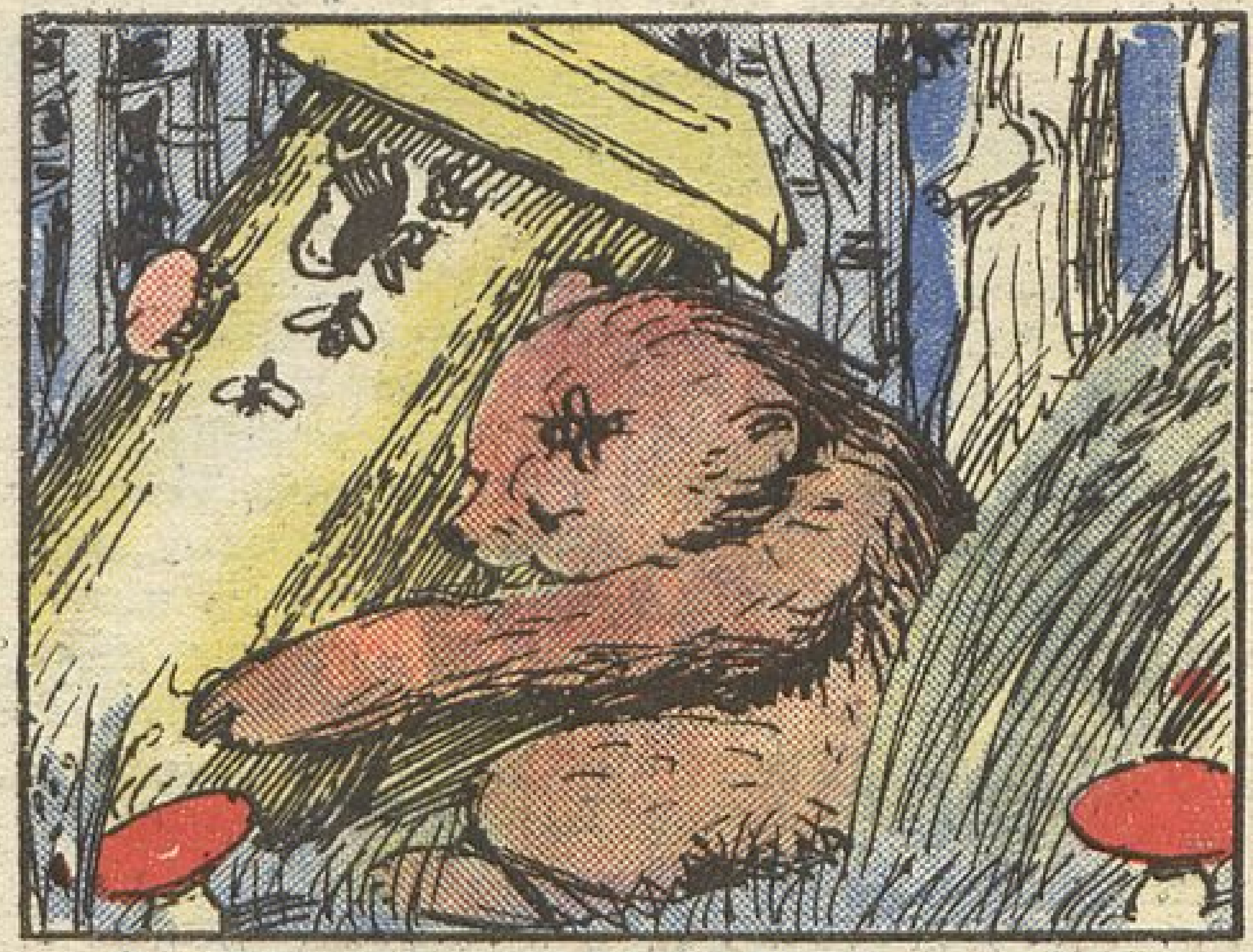
Кто не прочитает — ждите следующего номера.

ТОПТЫЖКА

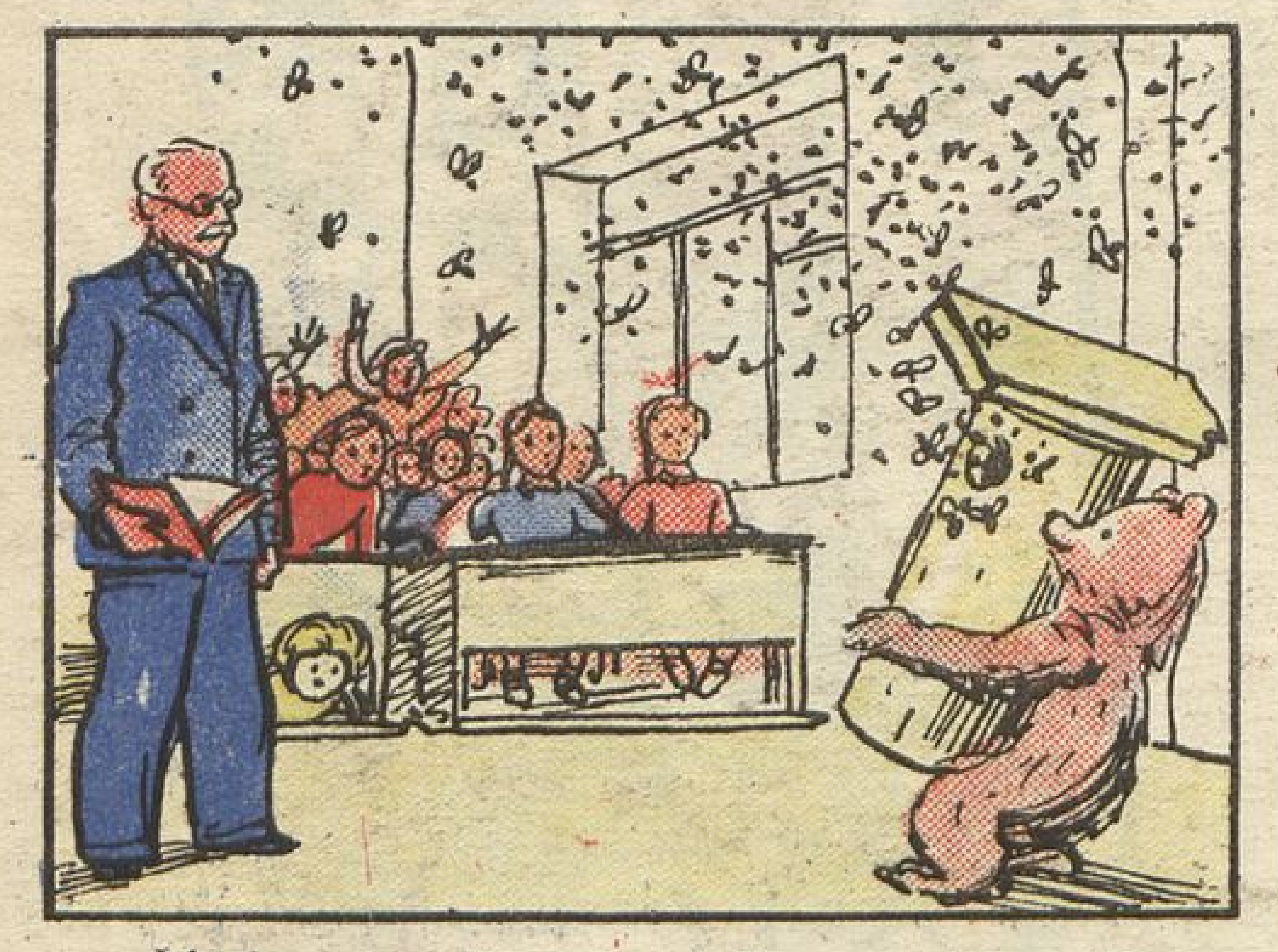
Подписи Евг. ШВАРЦА *Рис. А. КАНЕВСКОГО*

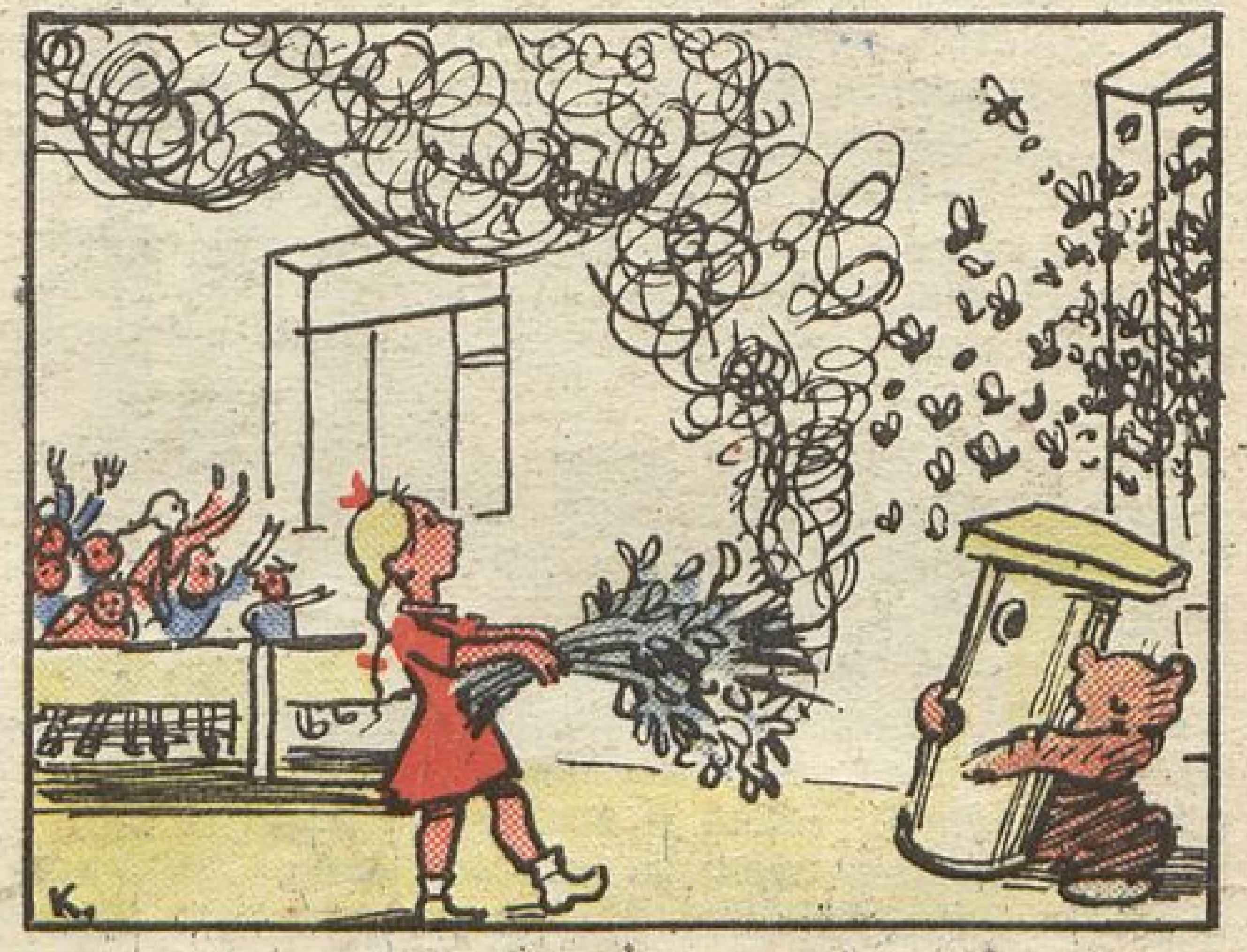
Пришёл Топтыжка в класс, поиграл, побегал, попрыгал, а потом вдруг как заворчит: «Не хочу сидеть в школе— смеётесь вы, что ли? Обещали мёд, а никто мне его не даёт!» Выскочил он

на крыльцо. Маша его уговаривает, а он не слушается. Побежал на пчельник. Пчёлы его кусают, а он не обижается.

И вот смотрите, что он натворил. Учитель Иван Иванович задал задачу. Все сидят, думают. Вдруг дверь открывается, Топтыжка врывается: «Прекратите урок—я вам угощеньице приволок!» Что тут делать? Пчёлы жужжат, девочки визжат, Топтыжка рычит, а

Иван Иванович сердится. Как тут быть? Но Маша догадалась. Схватила веник, зажгла его — и к улью! Пчёлы дыму испугались — и в двери! А что случилось дальше, мы расскажем в следующем номере.

Год издания двадцать первый. Цена 2 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 15/IX 1944 г. А 11452. Объём 2,5 печ. л. 2,5 (уч.-изд. л. 32 000 зн. в п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 484.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.